

Переводчик: Семен Иванович Шуртаков

Книга: Чувашские легенды и сказки

Сказка: Земля поглотила

Одна чувашка овдовела и осталась с шестерыми детьми – тремя сыновьями и тремя дочерьми. С горя и печали пристрастилась баба к кабаку, что ни день приходила домой пьяной-пьянехонькой.

Как-то раз вернулась она домой пьяной и говорит старшей дочери:

– Доченька, сбегай за водой на речку. Все нутро горит, пить хочется.

Девушка так торопилась исполнить просьбу матери, что, несмотря на осеннюю стужу, побежала на речку босая и даже платка не накинула.

Вернулась она домой, а мать заперлась и не пускает ее в избу.

– Мама, а мама! Отопри же скорее! – просит дочь. – Холодно на дворе, ноги мерзнут.

А мать ей отвечает:

– Выйдешь замуж за старшего брата – впусти!

– Что ты, мама, – ужаснулась дочь, – разве можно выходить замуж за родного брата. Земля поглотит за такой грех!

– Ну, как знаешь, – не отступает от своего мать. – Тогда не впусти!

У девушки замерзли ноги, и вся она продрогла, не одетая. Волей-неволей пришлось дать матери согласие. И тогда только мать впустила свою дочь в избу.

Спустя три дня девушка стала женою брата.

А мать по-прежнему продолжала пьянствовать.

Как-то опять, вернувшись домой пьяной, она послала за водой среднюю дочь:

– Беги быстрее! Все нутро горит, нет никакого терпения...

Дочь послушалась мать и, несмотря на позднее время, побежала на речку босая, не одетая. А мать и на этот раз заперла дверь и не пустила дочь, когда та вернулась с речки.

– Мама, открой скорее! Холодно на дворе! – просит дочь.

– Выйди замуж за среднего брата – впусти.

Дочь не соглашается:

– Что ты говоришь, мама! Разве можно выходить за родного брата – за это нас земля поглотит!

– Не выйдешь – не впусти, – настаивает мать.

Сколько дочь ее ни упрашивала, не открыла она ей двери. Волей-неволей пришлось согласиться.

Спустя три дня и эта девушка стала женою брата, а брат – мужем родной сестры.

Чем дальше, тем чаще мать стала напиваться; в кабаке на водку денег не хватало – она шла к соседям и просила пива. Трезвая бы постыдилась просить, а пьяной ей было все равно.

И вот как-то опять пришла она домой во хмелю и послала за водой младшую дочь.

– Нутро горит, нет терпенья! Сбегай-ка за свежей водицей!

Девушка заторопилась и, не обувшись и не одевшись, побежала на реку. А мать тем временем заперлась в избе и, когда дочь вернулась с водой, не пустила ее.

– Мама,пусти скорее, – просит дочь. – Замерзла я!

Мать свое:

– Выйдешь замуж за младшего брата – впусти.

– Опомнись, что ты говоришь! За такой грех нас земля поглотит.

Но как дочь ни упрашивала мать, та ее так и не пустила в избу. Тогда дочь в сердцах выплеснула воду из ведер, а ведра бросила на землю и взмолилась:

– Пюлехсе, Пюлехсе! Пусть из разлитой воды образуется речка, пусть разбитые ведра обернутся лодкой, а коромысло – веслами!

Пюлехсе услышал мольбу девушки и сделал все так, как она просила. Девушка села в лодку и поплыла по реке. Рекой она выплыла в Волгу и на правом берегу ее увидела маленькую избушку.

– Дай хоть сюда зайду обогреться, – сама себе сказала девушка.

Она причалила к берегу, вышла из лодки, привязала ее к дереву и вошла в избушку.

В избушке сидела за рукодельем девица ее лет. Обрадовалась ей иззябшая гостья. А девица, между тем усаживая гостью рядом с собой, говорит:

– Как ты сумела добраться сюда, дорогая сестрица? Ведь моя мать – злая колдунья! Она за версту чует людей по запаху и съедает их. Ну как она сейчас заявится домой – не уцелеть тебе. Давай я поскорее оберну тебя в веник и поставлю у двери, может, удастся так спасти тебя.

Девица превратила гостью в веник и положила у порога.

Вскоре примчалась ее мать и только успела открыть дверь – сразу же расфыркалась, раскричалась:

– Фу-фу, что-то пахнет у нас человечиной!

– Ты же день-деньской питаешься человечиной, – ответила дочь, – какому же запаху и быть-то у нас?

– Коли так, – немного утихомирилась старуха, – дай мне тот веник. Я хоть его съем.

Дочь у колдуньи была умной, сообразительной.

– Чем же я тогда пол буду мести? – сказала она и не дала матери веник.

Недовольная старуха недолго пробыла дома, села в свою ступу и опять умчалась по своим делам.

Пока колдунья носилась по белу свету, девушки убрались по дому: подмели пол, направили пряжу и смотали ее в клубки.

Но прошло какое-то время и старуха опять заявилаь домой. Дочь едва успела превратить гостью в помело и приставить к печке. Еще не успев переступить порог, старуха опять расшумелась:

– Фу-фу, что это у нас человечинной так крепко пахнет?

– А чем же еще пахнуть, раз ты питаешься человечинной? – ответила ей дочь.

– Ладно, подай мне помело, – просит старуха, – я хоть его съем.

– Что ты, мама! Чем же я буду золу выметать из печки? – отговорилаь дочь и опять спасла девушку-гостью.

Старуха повертелась, покрутилась в избе, дела себе никакого не нашла и опять умчалась в своей ступе.

Пока ее не было, девушки порукодельничали, поговорили о том о сем. В разговоре гостья спросила свою новую подругу.

– Что ты мучаешься со злой матерью? Уйдем отсюда вместе. Поди-ка, не пропадем, хуже, чем здесь, не будет.

Дочь колдуньи согласилась, и они решили: как только старуха снова умчится в своей ступе, тут же убежать из дома.

Опять является старуха в избушку и опять за свое:

– Фу-фу, хоть нос зажимай – воняет человеком!

Дочь успела превратить подругу в иголку и, прикалывая ее к платью, отвечает:

– Да какому же другому запаху и быть у нас?!

– Что за иголку ты там прикалываешь? – заметила старуха. – Давай я хоть ее проглочу.

– Где же я достану другую иголку и чем буду шить? – и на этот раз отговорилаь дочь.

Старуха отстала. В доме все было прибрано, никакого дела себе она не нашла и, еще немного покрутившись, она в конце концов опять умчалась в своей ступе по белу свету.

Не теряя времени, девушки собрали все необходимое в дорогу, сели в лодку и поплыли по Волге.

За версту чуяла колдунья. Должно быть, свое чутье она передала и дочери. Прошло немного времени, дочь старухи прислушалась и говорит своей подруге:

– Слышу, мать гонится за нами по берегу. Пока помолчим, не будем разговаривать.

Немного погодя, опять прислушалась.

– Мать все еще бежит за нами, не отстает.

Только сказала она эти слова, лодка села на мель, хоть и плыли они самой серединой Волги. Покачали они лодку, веслами пробовали упереться – ни с места.

Как раз в это время пролетала над ними галка. Та девушка, чьей была лодка, попросила галку:

– Галочка-подруженька, слетай к моим родным, расскажи им о нашем горе. Скажи, что среди Волги сидим на мели.

– Кранк-кранк! – прокаркала галка в ответ. – Пригодятся галке девичьи глаза. – С тем и улетела.

Летит сорока-белобока. Девушка и к ней с просьбой:

– Белобокая сестрица, слетай к моим родным, поведай им наше горе. Скажи, что среди Волги сидим на мели.

– Чак-ка-как, чак-ка-как! – застрекотала сорока в ответ. – Пригодятся белобокой девичьи глаза. – С тем и улетела.

Летит, наконец, серая кукушка. Девушка к ней с просьбой:

– Кукушка-серушка, слетай к родным братьям и сестрам, поведай им наше горе. Скажи, что посередь Волги погибаем на мели.

Кукушка сжалилась над девушками. Полетела в деревню, села на конек родительского дома девушки и закуковала:

– Ку-ку, ку-ку, добрый молодец! Красному Яру* – красного быка, шербет* в желтом ковше и юсман* в желтой чаше.

Услышал кукушку младший брат девушки, но ничего не понял. Побежал к ворожее и спросил ее:

– На коньке нашего дома, тетя, кукует кукушка, но я не понимаю ее кукованья. Не сходишь ли послушать, не скажешь ли, о чем она кукует?

Старушка-ворожея пошла с парнем и послушала кукушку. Потом подумала-подумала и так сказала:

– Кукушка велит тебе принести в жертву Красному Яру красного быка, затем выпить шербет из желтого ковша и поесть юсман, замешенный в желтом блюде.

Парень, не мешкая, побежал и привел на жертвенную поляну в лесу красного быка; купил меду и сготовил шербет, замесил тесто и испек юсман. На поляне было слышно, как кукушка все еще продолжала куковать.

Когда на жертвенного быка брызнули водой, бык встрепенулся. В то же мгновение земля разверзлась и дом вдовы-пьяницы по самый конек провалился. Провалился вместе с пьяной хозяйкой и с ее переженившимися детьми.

Между тем парень с ворожеей закололи быка, поели юсмана и запили шербетом, а оставшуюся пищу понесли домой. Подходят к месту, где стоял дом, а дома-то и нет. Из-под земли виднеется только конек. Не только парень, ворожея и то удивилась и испугалась.

В тот самый миг, когда встрепенулся обрызганный водой жертвенный бык, лодка с девушками на Волге сама собой снялась с мели и поплыла дальше.

Доплыла она до деревни, в которой еще недавно жила девушка, вышли они с подругой на берег, пошли по улице. Ищет девушка свой дом и не находит.

Тут как раз повстречался ей младший брат и рассказал, что произошло с их домом. Однако рассказать-то рассказал, а какая из двух девушек его родная сестра, отличить не смог – так они были друг на друга похожи.

Парень снова побежал к ворожее.

– Так и так, – говорит, – тетя, как признать в двух подругах родную сестру?

– А очень просто, – ответила ему старушка-ворожея. – Пригласи их в мою лачугу – все равно ни тебе, ни им жить пока негде – и разожги огонь. Усади их по одну сторону огня, а сам сядь по другую и займись каким-нибудь делом – ну, возьми да обстругивай палку. А потом сделай вид, что порезал палец и крикни!: «Ах, что я наделал! Чем остановить кровь?» И ты увидишь: сестра твоя кинется к тебе на помощь прямо через огонь, а ее подружка подбежит, обойдя огонь стороной.

Парень так и сделал. Пригласил девушек в избушку к ворожее, развел огонь и принялся ножом вытесывать палку. Потом как крикнет: «Ой, что я наделал!»

Родная сестра мигом прыгнула через огонь к брату, а ее подруга обежала огонь стороной. Потом вместе перевязали рану.

Уж если парень не смог отличить подругу от родной сестры, надо ли говорить, что девушка понравилась ему с первой же встречи. В самом скором времени он женился на ней, и зажили они втроем счастливо и безбедно.

* Красный Яр – имя одного из языческих божеств; шербет – медовый сироп; юсман – мелкие жертвенные лепешки.